

Предисловие

Шлиман в Трое

Многолетние раскопки Генриха Шлимана (Heinrich Schliemann, 1822–1890 гг.) в поисках Гомеровой Трои в Гиссарлыке (Турция) начались в 1870 г. Кампании Конце на Самофракии и работы Курциуса в Олимпии развернулись позже. Но вначале раскопки Шлимана не носили строго методического характера, таковой они приобрели только с приглашением Дёрпфельда из Олимпии, что произошло лишь в 1882 г. В этом смысле Конце и Курциус имеют приоритет.

Однако были ли все перечисленные раскопки стратиграфическими в точном смысле этого слова? Когда Конце начинал раскопки на Самофракии, он преследовал цель раскрыть святилище таким, каким его описывали античные авторы — сооружением IV в. до н. э., для которого работал скульптор и архитектор Скопас, хотя было

также известно, что в эллинистический период там основывали храмы Птолеми (в III в. н. э.). Курциус в Олимпии прямо преследовал цель реконструировать святилище таким, каким его описывал Павсаний, что, по представлениям археологов, примерно совпадало с состоянием перед разрушением. Достаточно убрать слежавшийся мусор и поставить упавшие колонны, собрав сдвинувшиеся барабаны, — и получишь реконструкцию святилища. Вот и Шлиман, оказавшись перед огромным холмом Гиссарлыка, хотел только одного — пробиться сквозь все наслоения позднейшего времени к древнейшему слою, где на материковом основании должна была покоиться Гомерова Троя. Коль скоро с Трои начиналась греческая история, то Троя и должна была находиться в самом низу, а всё позднейшее его не очень интересовало.

Во всех случаях целостный охват большого памятника был запланирован заранее, но стратиграфическое исследование памятника не предусматривалось, во всяком случае, ему не отводилась большая роль. Заслугой всех трёх археологов

было привлечение архитекторов ради точности описания архитектурных сооружений, а архитекторы немедленно ввели стратиграфические наблюдения, чтобы разобраться во взаимоотношении стратиграфических и в последовательности этапов строительства. Кроме того, и сами археологи, начав раскопки, тотчас сообразили, что их объекты имели некоторую историю, пусть и казавшуюся им поначалу незначительной, и что для реконструкции нужно выяснить последовательность разрушения, для понимания целей — последовательность сооружения, а для понимания развития и значения святилища — последовательность этапов функционирования. А всё это означало стратиграфические наблюдения. Стратиграфия же, заимствованная из геологии, уже применялась в первобытной археологии. Во второй половине пятидесятых годов это были исследования торфяников в Дании (Ворсо и Стеенstrup), свайных поселений в Швейцарии (Келлер и Тройон) и террамар в Италии (Кастальди и Штрёбель), а еще раньше, в сороковые годы, это были исследования Буше де Перта во

французских каменоломнях. Да ведь еще Рюдбек во второй половине XVII в. применял стратиграфию при раскопках, даже рейку изобрел.

Конечно, Шлиман оценил значение стратиграфических наблюдений позже своих коллег Конце и Курциуса. Их раскопки были методически гораздо более строгими и детальными. Но их стратиграфия не была столь глубокой, наглядной и эффектной, как у Шлимана. Если говорить о первой разбивке всего памятника на многочисленные слои и разнесении по слоям всех построек и вещей, то это было сделано в раскопках Шлимана, и сделано это было еще до прибытия Дёрпфельда, правда, не сразу. За двадцать лет Шлиман провел четыре кампании раскопок, и после каждой тотчас публиковал результат. В первую же кампанию раскопок, четырехлетнюю (1870–1873 гг.), пробив сквозь весь холм гигантскую траншею север — юг, Шлиман получил два огромных разреза через всю толщу. К концу 70-х годов он различил в этих разрезах семь строительных слоёв (снизу вверх I–VII), которые он правильно

расценил как остатки семи городов, построенных один поверх другого (*рис. 1*).

Потом, уже после смерти Шлимана, Дёрпфельдом было добавлено сверху еще два слоя — VIII и IX (античный и эллинистически-римский), не выделенных Шлиманом вначале.

Шлиману пришлось сразу же отказаться от идеи узнать гомеровский город в первом снизу: это был очень скромный поселок, не отвечавший его представлению о граде Приама. Шлиман увидел гомеровский город во втором слое снизу, поскольку это была достаточно древняя и в то же время внушительная цитадель, с более мощными стенами и башнями, чем в слоях III–V. Уже после смерти Шлимана Дёрпфельд установил, что эти укрепления принадлежали городу, гораздо более древнему, чем ахейская эпоха, воспетая Гомером (XIII в. до н. э.), и что с гомеровскими Микенами был связан скорее город VI снизу, еще более мощный. Еще позже, уже в XX веке, Карл Бlegen, продолжавший раскопки Шлимана и Дёрпфельда, разбил слои Шлимана — Дёрпфельда на drobные подразделения

и установил, что гомеровский эпос имел в виду город VIIa.

У Шлимана было много критиков. Надо признать, у них были основания критиковать его. Он разрушил многое в верхних слоях, продираясь к нижним; он не всё точно зафиксировал; найдя ряд кладов в городе, он так обошелся с самым крупным из них (так наз. «Кладом Приама»), желая утаить его от турецкой администрации и тайком вывезти, что теперь неясно, где точно и при каких обстоятельствах его нашли, да и клад ли это. Всё это действительно так. Говорили также, что он типичный золотоискатель, что только сокровища были его целью, и этой цели было подчинено всё. А вот это — не так. Сокровища он находил, но движим он был не страстью к золоту (он был достаточно богат), а жаждой отыскать Гомерову Троию и доказать реальность существования Гомера. Он хотел также выяснить, как в реальности выглядел легендарный город, какие следы остались от событий эпоса. А это — цели не коллекционерские и не искусствоведческие, а исторические.

Он жил в уверенности, что нашел всё, что искал, и доказал всё, что хотел доказать. На деле он не нашел и не доказал этого, но открыл новую цивилизацию, совершенно неизвестную античным письменным источникам — цивилизацию бронзового века Малой Азии, то есть он распространил компетенцию классической археологии за традиционные пределы, навел мосты из нее — частично в первобытную археологию, частично в восточную археологию. Он осваивал существующие методы раскопок на ходу и совершенствовал их, дойдя собственным умом не только до тщательной фиксации обнаруженного (вел в Гиссарлыке ежедневные записи в дневнике и делал зарисовки), но и до сохранения всех находок, даже рядовых и массовых (кухонной посуды, утвари, обломков металла). Он ввел также обычай быстрой и весьма полной публикации о найденных объектах. В последних кампаниях он привлек к работе специалистов многих дисциплин для обработки разных категорий материала — архитекторов, биологов, химиков, ориенталистов.

Поэтому вклад его в методику археологических исследований очень велик, а вклад его в археологию в целом не ограничивается лишь этим. Он не только открыл новую цивилизацию, став одним из героев Великих археологических открытий, но и внес новые идеи в интерпретацию материала. Он заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельную главу в истории археологии. Не российской (он в ней не участвовал) — мировой.

Правда, его биография и деяния очень широко известны, расписаны в бесчисленном количестве романов и научно-популярных книг, но почти всё основное, что о нём там рассказывается, это легенда, не соответствующая истине. Всем известна история о мальчике, который в детстве возмечтал найти Гомерову Трою и доказать реальность Троянской войны, которую многие авторитетные ученые отрицали. Как он всю жизнь копил для этого деньги и, наконец, будучи самоучкой, нашёл и раскопал Трою. Но ничего этого не было. Не мечтал он в детстве найти и раскопать Трою, не для этого копил деньги, не был самоучкой, не нашел Трои,

да и не доказал реальность Троянской войны. Зато реальные деяния его интереснее и значительнее.

О них и пойдёт речь дальше.

Легенда о Шлимане

Кто не знает Шлимана? Это, конечно, легендарный археолог. Всем известно, что 8-летним мальчиком, увидев на картинке в книге Гомерову Трою, он возмечтал найти ее и раскопать, что он обещал это отцу, но так как они были бедняками, то всю жизнь посвятил накоплению денег для этого предприятия и учил для этого нужные языки. Что, когда накопил требуемую сумму, он ликвидировал все дела и отправился в Турцию, где действительно нашел и раскопал древнюю Трою, царство Приама, чем, хоть и был самоучкой, посрамил профессиональных ученых. Что в последний день первой кампании раскопок (в последний день — надо же!) он обнаружил сокровище — клад Приама, который, чтобы скрыть от возможного ограбления, Шлиман не стал раскапывать с землекопами, а, распустив их, вынимал из земли сам; тут же его молодая жена, красавица-гречанка Софья,

носила сокровища под своей шалью в их шатер, где потом он примерял к ней золотые украшения Елены Прекрасной.

Всё это, в сущности, не легенда. Это миф, созданный Шлиманом в старости о самом себе (*Schliemann 1892/1961; Abenteuer 1958*), а так как миф этот красивый, романтический, то его размножили журналисты и историографы (*Мейерович 1938; Штоль 1991; Ludwig 1931; Stone 1975 и др.*). Ничего этого на деле не было, ничего. Всё вымысел. Не мечтал 8-летний мальчик в 1829 г. раскопать гомеровский город, и не мог мечтать, потому что тогда городов еще не раскапывали — за исключением Геркуланума и Помпей, но там особый случай — извержение вулкана, а что обычные города покрываются культурным слоем, обывателям еще не было известно. Раскапывали могилы и руины в Риме.

Да и не собирался юный Шлиман быть археологом. В родительском доме осталась на садовой калитке вырезанная мальчиком подпись: «Heinrich Schliemann, Matrose» («Генрих Шлиман, матрос»). Вот это была его детская мечта, эту мечту он и осуществил, сбежав из лавки в юнги. Языки он

в юности учил, но не возлюбленный якобы с детства древнегреческий, а новые, нужные в практической жизни. Миллионером он стал действительно, но никогда не сворачивал всех дел, а продал только торговые предприятия, оставив себе железные дороги, плантации, доходные дома, и отправился в кругосветное путешествие, а вовсе не в Трою.

Мечты об археологии вообще (не конкретно о Трое) появляются в его биографии, как можно проследить по письмам, только в пожилом возрасте, в России, и тому были свои причины. Тогда он отправился в Париж, где сел на студенческую скамью в Сорбонне, и слушал лекции французских профессоров о классических древностях. Правда, по классическим древностям лучше бы он послушал немецких профессоров и позанимался ими в Риме, но, во всяком случае, самоучкой он не был, получил профессиональное образование и защитил диссертацию по гомеровским древностям. Когда же оппоненты стали критиковать и оспаривать его диссертационные высказывания, он загорелся идеей опровергнуть своих критиков. В числе

критикуемых утверждений было и местоположение Трои. Так он запланировал экспедицию туда, в северо-западный угол Турции.

Место это первым нашел не он. Оно уже было известно. Последним перед Шлиманом его обследовал американец Калверт, живший там. Споры шли только о холмах этой местности, расположенных в нескольких километрах друг от друга, — под которым именно из них скрывается гомеровский город. Калверт указал ему, под которым — это Гиссарлык. Еще ранее это утверждали Макларен (публикации 1822 и 1863 гг.) и Экенбрехер.

Шлиман обнаружил в своих раскопках надпись «Илион» на камнях в поздних, греческих слоях, а так как в «Илиаде» осаждаемый город именуется то «Илион», то «Троя», то для Шлимана и для всех в течение ста лет было ясно, что Троя найдена. Однако, когда я сделал статистический анализ текста «Илиады» (Клейн 1986а; 1998а), то обнаружил, что при словах «Илион» и «Троя» эпитеты разные, и они обрисовывают разные города, а в хеттских источниках я увидел два города на западе от

хеттов — Вилюса или Уилюса (т. е. Илиос) и Таруиса (Троя). Значит, в «Илиаде» слились песни о разных городах. Если Илиос-Илион найден, то Троя — нет. Этот мой вывод признан таким выдающимся историком, как И. М. Дьяконов, и введен в его учебник древней истории. Добавлю также, что в раскопанном городе не найдено ни одного ахейского наконечника стрел, так что его осада ахейцами тоже под сомнением, как и Троянская война вообще (*Клейн 1986в; 1994*). Это эпос, а эпос часто выдает желаемые походы и победы за действительно осуществленные. Так, эпос сербов повествует об осаде и взятии Стамбула, а в реальности было их поражение на Косовом поле.

Не могла красавица Софья носить золотые вещи из клада под своей шалью в шатер, потому что, когда нашли клад якобы Приама, Софьи даже не было в экспедиции. Она в это время писала мужу письма из Греции. Когда точно обнаружили клад, неясно: чтобы скрыть находку от турецких властей, Шлиман не сразу обнародовал ее, а описал потом. Он ведь обязан был сдать золото туркам, а решил его вывезти

тайком. Есть даже подозрения, что это не единый клад, а вещи из разных мест, накопленные к последнему дню для контрабанды.

Как видите, вся легенда, точнее, весь миф рассыпается. Шлиман его создал тогда, когда его стали изображать охотником за сокровищами, ограбившим Турцию. Он хотел показать: нет, я не таков, я с детства нацелился... и т. д. К тому же Шлиман был вообще хвастуном и выдумщиком, чтобы не сказать — патологическим лжецом. Всё, чего он мечтал достичь, он изображал уже достигнутым. В его подробной автобиографии, издававшейся многократно, нужно проверять каждую деталь, и многие из этих деталей оказываются неверно изложенными.

Я пришел к этому выводу около сорока лет назад и написал тогда об этом книгу. У нас ее издавать не хотели, и тогда руководитель археологического направления ГДР в 1970 г. попросил прислать мои результаты ему для издания. Он действительно издал их, но под своим именем, даже не упомянув моего (*Herrmann 1974*, также *1981*). Я сразу же в письмах

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru